АЗИЯ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512.1

Письменность тюркских народов в древности и раннем Средневековье: основные системы

Н. Н. Телицин

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9*

Для цитирования: Телицин Н.Н. Письменность тюркских народов в древности и раннем Средневековье: основные системы // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 215–230.
<https://doi.org/10.21638/11701/26868318.15>

Исторически сложилось, что большинство народов, использующих письмо, могли либо самостоятельно изобрести такой вид письма, который полностью соответствует требованиям их собственного языка и позволяет наиболее точно передавать необходимую информацию, либо заимствовали таковое у других народов, имеющих развитую культуру и письменность. Первое тюркское государство, созданное кочевыми племенами, под сильным влиянием оседлых цивилизаций и их культур вынужденно заимствует письмо согдийцев и китайцев. После краха Первого Тюркского каганата тюркам понадобилось менее века для создания автохтонного письма. В статье рассматриваются примеры древнетюркской письменности с VI по XV в., то есть с момента зарождения тюркской (рунической) письменности до принятия арабской графики.

Ключевые слова: тюркское государство, согдийское письмо, руническое письмо, уйгурское письмо.

Впервые о наличии у тюркских народов собственного письма заговорили после обнаружения в 1889 г. Николаем Михайловичем Ядринцевым (1842–1894) в долине Кошо-Цайдам, на берегу р. Орхон, памятника-стелы с текстами, написанными китайскими иероглифами и тем письмом, которое воспринималось европейскими учены-

ми как руническое. Из китайской надписи стало ясно, что памятник установлен в 732 г. в честь Кюль-Тегина (ум. 732) — брата тюркского правителя Бильге-кагана (ум. 734). Время создания памятника приходится на период существования одного из государств тюрков — Второго Тюркского каганата, просуществовавшего с 682 по 745 г.

Однако уже в Первом Тюркском каганате (ок. 550–630 гг.) для государственных нужд возникла острая необходимость в письме, в том числе и для увековечивания тех или иных событий и истории самих правителей. Логично было предположить, что при отсутствии собственного письма тюрки станут использовать письмо соседних с ними цивилизаций, имеющих в то время огромное влияние на тюркские племена, — согдийской (курсивное согдийское письмо) и китайской (иероглифическое письмо).

Подтверждением использования «чужого» письма служат обнаруженные в 1956 г. в Архангайском аймаке Монголии остатки погребального комплекса [1, с. 121]. На стеле, позднее получившей название Бутутской, были зафиксированы письмена, которые были интерпретированы как согдийское письмо.

В начале надписи, по всей видимости, указывается время сооружения стелы: «*////* стелу (?) установили тюрки (при) государе Китая (?) Кутсат». В тексте памятника приведена еще одна дата события, происшедшего в год Зайца [1, с. 122].

Более интересным представляется второе указание, относящееся к датировке. В период существования Первого Тюркского каганата (ок. 550–630 гг.) год Зайца по двенадцатилетнему животному циклу приходился на 559, 571, 583, 595, 607 и 619 гг. [см., например: 2] Других прямых указаний на временную локализацию памятника не обнаруживается. В связи с этим датировать следует на основании как уже приведенных данных, так и на косвенных свидетельствах, содержащихся в самом тексте.

По отрывочным сведениям можно определить упоминание создания в каганате буддийской сангхи, о чем сообщалось и в китайских династийных хрониках. А поскольку официальное принятие буддизма тюрками традиционно связывают с именем кагана Таспара, то можно примерно восстановить временные рамки того периода. По историческим свидетельствам становится ясно, что проникновение буддизма на территорию Первого Тюркского каганата последовало в 574 г. после начала гонений приверженцев этой религии в государстве Северное Чжоу при императоре У-ди (武帝) (561–578).

Известно, что в этот период на тюркский язык были переведены некоторые сутры, были воздвигнуты буддийские храмы и монастыри. Даже сам каган Таспар принимал участие в религиозных обрядах [1, с. 132–133].

Таким образом, по разным признакам надпись следует отнести, по крайней мере, ко времени ранее конца VII — начала VIII в., то есть к последней четверти VI в. Если же сопоставить эти предположения с датой, указанной в самом памятнике (год Зайца), то можно предположительно датировать его 583 или 595 г. Следует отметить, что до недавнего времени Бугутская стела считалась чуть ли не единственным памятником, зафиксировавшим употребление согдийского языка и письма для нужд правителей Первого Тюркского каганата, и одним из немногих памятников, которые однозначно можно отнести к периоду существования первого тюркского государства.

В 1953 г. в Синьцзяне, в местечке, расположенном в 5 км южнее населенного пункта Чжаосу (Или-Казахский автономный округ, Синьцзян-Уйгурский автономный район, Китайская Народная Республика), были обнаружены остатки погребального комплекса и каменная статуя (размером $2,3 \times 0,5 \times 0,3$ м), которые в течение почти сорока лет не подвергались текстологическим изысканиям. В нижней части статуи сохранились 20 строк согдийской надписи, аналогичной по исполнению надписи на Бугутской стеле, что говорит о возможности отнести эту надпись по времени к концу VI — началу VII в. Из указанных сохранившихся строк читаются только восемь, остальные разобрать трудно. По описанию Такаши Осава первым исследовавшим памятник, поминальный комплекс и статуя созданы в честь Нири-кагана (?), сына Ыангсу-тегина (*Yang su tegin* (?)), внука Муган-кагана [3, pp. 47–504]. Нири-каган, по другим источникам Нили-кехань (китайское *Nili kehan*, упомянут в памятнике на древне-согдийском как *nry x'y'n*), правил с 587 по 599 г., а сам памятник Т. Осава датирует 599 г. — годом смерти самого Нири-кагана, что приходится на последние годы существования Первого Тюркского каганата [3, p. 490].

В отечественной же исторической литературе этот период называется Дулань-каган (都藍可汗 Доуланькэхань), известный также под именем Юн-Улуг. Имя Нили-кеханя, описание его жизни и связанных с ним событий, совпадает с именем сына Янсу-тегина — Нили-хана (кит. 泥利可汗 — Нили-кехань) или Иль-тегин Буйрука, бывшего наместником в западных землях Тюркского каганата

с 599 по 603 г., а с 603 по 604 г. ставшего первым каганом отделившегося Западно-тюркского каганата¹. Поэтому корректнее было бы датировать эту надпись не ранее чем 603–604 гг.

Надпись в честь Нили-хана, как и Бугутская стела, дают нам возможность подтвердить одну из основных концепций развития письма и письменности у тюрков.

Первое тюркское государство, созданное не имевшими единого вида письма кочевыми племенами, под сильным влиянием оседлых цивилизаций и их культур вынужденно заимствует письмо этих народов. Примечательно, что тюрки не просто заимствовали и адаптировали согдийское письмо под свой язык, а намеренно использовали и согдийский язык. Это может говорить о терпимом, толерантном отношении тюрков-завоевателей к тем народам, которые проживали на присоединенных к каганату территориях.

Остается лишь предполагать, что тюрки, завоевав Центральную Азию, оставили на местах ту же систему управления, переподчинив ее себе. В этом случае они могли свободно использовать у себя на службе и согдийцев, которые были на тот период более цивилизованными с точки зрения образования, архитектуры и т. п.

О влиянии согдийцев на тюрков можно судить по китайским источникам времени правления Шиби-кагана (609–619). Например, один из высокопоставленных вельмож китайского двора Пэй Цзюй — в прошлом наместник Западного края (Восточного Туркестана) — сообщал следующее: «Туцзюэ простодушны и между ними можно сеять раздор; к несчастью среди них есть много ху 胡 (варвары, согдийцы. — *Авт.*), которые коварные, злые и хитрые, которые их учат и управляют ими...»².

Наиболее спорным с точки зрения происхождения видом письма тюрков можно назвать руническое, точнее, руноподобное письмо. По всем историческим фактам можно предположить, что оно получила широкое распространение не раньше второй половины VII в. [8, с. 83]. Памятники, написанные руноподобным письмом, обнаружены на обширной территории от Каспийского моря до северных районов Монголии. Традиционно язык рунических памятников признают «наддиалектным» литературным языком тюркских народов, входивших или контактировавших с существовавшими в тот

¹ См., например: [4, с. 279–280; 5, с. 117].

² См., например: [6, pp. 87–88; 7, с. 24–29].

период крупными объединениями тюркских племен и тюркскими государствами: Тюркским каганатом (VI–VIII вв.), Уйгурским каганатом (VIII–IX вв.), Уйгурским государством в Восточном Туркестане (IX–XIII вв.) [9, с. 23]. Однако при более глубоком изучении необходимо учитывать то, что памятники создавались разными тюркскими племенами в разное время и на разных территориях, что требует локализации тюркских памятников с точки зрения их этнокультурной, временной и территориальной отнесенности.

Следует отметить и то, что руническое письмо, по мнению многих тюркологов, пережило три этапа своего развития:

- *архаический*, к которому относят тюркские памятники Семиречья (VI–VII вв.), Енисея (VI–X вв.);
- *классический*, к которому следует отнести только памятники Второго Тюркского (тюркютского) каганата (первая половина VIII в.);
- *поздний*, охватывающий памятники эпохи Уйгурского каганата (вторая половина VIII–IX вв.), памятники восточного Туркестана (IX в.) [2, с. 52–54].

Согласно точке зрения, которая заслуживает упоминания, тюркское руническое (руноподобное) письмо является автохтонным по происхождению, то есть письмом, возникшим на территории расселения тюркоязычных племен из собственного, «национального рисуночного фонда» [10, с. 154]. Действительно, в китайских династийных летописях упоминалось о наличии у тюрков двух видов письма. Одно из них было похожем на письмо согдийцев — что уже подтверждено наличием памятников VI–VII вв. согдийским письмом и на согдийском языке. Другое же письмо было схожим со знаками на деревянных палочках, которые употреблялись для фискальных целей [6, pp. 9–10; 10, с. 158].

По всей видимости, после краха Первого Тюркского каганата тюркам понадобилось менее века для создания автохтонного письма, первые памятники на котором датируются 710–716 гг. — периодом Второго Тюркского каганата (ок. 682–744 гг.). Основным толчком к возникновению собственного письма было стремление тюркских племен к возрождению былого могущественного государства, а также потребность в средствах обмена информацией, управления государством и т. п. [11, с. 234].

Древнетюркское руническое письмо (ДТРП) состояло из 40 знаков геометрической формы и было хорошо приспособлено для фиксации на камне и других материалах. Это письмо достаточно точно передавало практически все фонетические особенности тюркских языков. Большая часть знаков, передающих согласные, имела два варианта начертания — для обозначения твердых и мягких согласных, употреблявшихся с гласным переднего или заднего ряда.

Особенности ДТРП подтверждают, что оно шло естественным эволюционным путем, свойственным всем автохтонным письменным системам, включающим предписьменное состояние (содержащее рисуночные знаки с ограниченными функциями, резы, тамги), словесные, слоговые и буквенные этапы, и в начале VIII в. находилось в процессе алфавитизации.

В ДТРП имеется несколько знаков-рисунков (пиктограмм), опирающихся на присущие им изобразительные свойства и способных выступать в качестве словесных знаков: /at/; /aj/; /äb/ 'юрта'; /är/; /oq/; /ay/ 'сеть', 'рыболовная сеть'; /art/ 'перевал'; /as/ (от глагола *as* 'висеть, свисать'); /äd/ (от тюркской тамги 'имущество, скот'); /äl/ (от слова *elig*); /än/ 'склон'; /äs/ (от слова *sünjü ~ sünük ~ sünüg*); /äš/ (от слова *ešik*); /i/ 'дерево'; /iq/ 'веретено'; /ič/ 'пить'; /alt/ 'нижняя часть' и т. д. Этот факт является одним из наиболее убедительных доказательств автохтонности древнетюркского рунического письма.

Имеется и внешний источник, свидетельствующий по меньшей мере о синлабическом устройстве ДТРП. Это найденный А. Ле Коком в 1905 г. в урочище Тойок (Туюк) в Турфанском оазисе и изданный в 1909 г., рукописный фрагмент, в котором манихейскими буквами передается фонетическое значение 19 древнетюркских рунических знаков типа /ad/, /as/, /iq/ и т. д. (см. рис.)

В. В. Радлов в результате систематизации письменных знаков показал, что уже в раннем Средневековье существовали два родственных, но самостоятельных рунических письма: енисейское и орхонское. Позднее благодаря С. Е. Малову стали выделять и третье — таласское, а затем, в результате классификации написаний всей Евразии, было обосновано бытование семи-восьми отдельных «рунических азбук» [14, с. 7–32], что подвергает сомнению традиционное мнение о существовании «единой орхоно-енисейской письменности».

Рисунок. Рукописный фрагмент с руническими знаками, найденный в урочище Тойок в Турфанском оазисе

Само письмо создавалось в условиях широких культурных и хозяйственных связей тюркских племен с окружающими их народами, многие из которых имели развитое письмо и письменные традиции. К таким народам в первую очередь относились согдийцы и китайцы. Выше говорилось об употреблении в первом тюркском государстве согдийского письма и языка для увековечивания в истории каких-либо событий, связанных с жизнью того или иного тюркского правителя. Данный вид письма был широко распространен, что говорит о грамотности среди древних тюрков.

С Китаем у тюркских племен были давние исторические связи. Известно, что после падения Восточно-тюркского каганата (630 г.) дети из родовитых тюркских семей отправлялись в Китай на воспитание — своего рода принудительное обучение. Так, одна из знаковых фигур Второго Тюркского каганата — Тоньюкук из рода Ашидэ — писал об этом в памятнике, текст которого был составлен им собственноручно. Текст надписи Тоньюкука в основном отображает события, связанные с историей возникновения Второго тюркского каганата, однако главное внимание автора уделено описанию заслуг самого Тоньюкука перед государством — племенным союзом тюрков. Исторические же события интересовали автора надписи, по

всей видимости, прежде всего как некий фон для создания образов героев тюркского народа и их прославления. Вследствие этого текст памятника подкрепляется многочисленными притчами и поговорками, указывающими на народно-разговорную форму. Это может свидетельствовать о сложившейся к тому времени письменной традиции изложения.

После гибели тюркских государств, пользовавшихся руническим письмом (Второй тюркский каганат и Уйгурский каганат), а также в связи с миграционными процессами, изменением уклада жизни многих тюркских племен и т. п. можно говорить об уменьшении использования рунического письма на территории его распространения.

На смену руническому письму у древних тюрок приходят другие виды, заимствованные у соседних народов и приспособленные под грамматику и фонетику тюркских языков. К ним в первую очередь следует отнести манихейское письмо, эстрангело, брахми и некоторые другие виды письма.

Наиболее распространенным считается уйгурское письмо, возникшее, как предполагается, на базе курсивного согдийского письма. Точная временная локализация возникновения этого типа древнетюркского письма может быть основана только на исторических фактах. Историю возникновения уйгурского письма следует связывать как с историей возникновения и развития Уйгурского каганата (745–840 гг.), так и с политическими и социальными процессами, которые происходили в тот период среди уйгуров.

Одно из первых упоминаний об уйгурах можно найти в китайских источниках, относящихся к V в., в которых упоминаются племена теле-тегрег. В состав данного союза и входили уйгуры. После образования Первого Тюркского каганата эти племена вошли в его состав, но почти всегда находились в состоянии мятежа. После воссоздания Второго Тюркского каганата часть уйгурских племен ушла в низовья Эцзингола под покровительство империи Тан.

К середине VIII в. уйгурским племенам удалось при поддержке племен басмылы и карлук сокрушить Тюркский каганат и создать свое государство, именуемое Уйгурский каганат (745–840 гг.). Именно на период существования Уйгурского каганата приходится этап распространения среди населения каганата манихейства. Толчком более широкого проникновения манихейства мог послужить тот факт, что один из правителей Тенгри Эльтутмыш Алп Инги Биль-

ге-каган, более известный как Бёгю-каган (757–779 гг.), принял манихейство в Лояне около 60-х годов VIII в. Войска под его предводительством помогали Танской империи разгромить мятеж Ань Лушаня — Ши Чаои. К слову, после мятежа Танская империя так и не смогла оправиться от потрясений.

После подавления мятежа уйгурский правитель Бёгю-каган стал способствовать распространению манихейства в своем каганате, для чего были приглашены согдийские миссионеры-манихейцы. Кроме того, следует отметить и то, что при Бёгю-кагане было сильным и уйгурское влияние в Восточном Притяньшанье, высказывалось мнение об «открытом протекторате». Позднее же, вплоть до гибели Уйгурского каганата в 840 г. н. э и во вновь возникшем Уйгурском государстве Кочо вся родовая знать уйгурских племен исповедовала манихейство.

Именно этот факт и следует считать если не началом развития собственно уйгурского письма, то, по крайней мере, его широким распространением. Поскольку с насаждением манихейства получило свое дальнейшее развитие и уйгурское письмо, которое наравне с манихейским письмом использовалось в религиозной общине манихейцев на обширной территории Центральной Азии.

Так, если говорить о самом раннем произведении на древнеуйгурском языке уйгурским письмом, то за таковое принимается «Покаянная молитва манихейцев» («Хуастуанифт»), датируемая VII в. Традиционно считается, что данное произведение является переводом текста, написанного манихейско-сирийским алфавитом [15, с. 434–435], с древнеперсидского или древнегреческого языка на уйгурский язык. Однако, по мнению В. В. Радлова, текст написан на хорошем тюркском языке и не обнаруживает признаков перевода [16, ss. III–IV]. По другим сведениям, начальный этап древнетюркской литературы на бумаге связывается с переводом сутры «Нирвана-сутра» (ориентировочно VI в.), а расцвет приходится на IX–XIII вв. [17, с. 211].

При сопоставлении временных рамок существования двух основных видов письма древних тюрков — рунического и уйгурского — можно увидеть некую закономерность: в период существования тюркских каганатов (VI–IX вв.) в среде тюркских племен, так или иначе подчиненных или связанных с каганатом, распространено руническое письмо, которое было создано для фиксирования в первую очередь границ земельных владений, имущества, а затем

применяемое уже и для начертания эпитафий. Следовательно, данный вид письма был широко распространен и понятен большому числу древних тюрок, что, в свою очередь, говорит об отсутствии «обожествления» письма, характерного для многих других народов.

Возникновение уйгурского письма и факт его параллельного существования с руническим письмом можно охарактеризовать тем, что к середине VIII в., на момент возникновения государственности уйгуров, уже существовало широко распространенное письмо, которое для кочевых народов, коими являлись в те времена и тюрки, и уйгуры, было необходимо лишь для определенных целей — хозяйственных (маркирование земельных территорий) и культурных (создание эпитафий — исторических хроник). В этот период это письмо было «достаточным».

Только с распространением манихейства среди уйгуров возникает необходимость и в «усовершенствовании» письма. Здесь не следует забывать и тот факт, что манихейство в Уйгурском каганате условно можно считать насаждаемым сверху, следовательно, и письмо могло быть привнесено в уйгурскую среду извне. Согдийские миссионеры-манихейцы и стали теми людьми, кто внедрял наряду с религией и письмо, созданное на основании близкого им письма — согдийского.

Можно констатировать, что уйгурское письмо возникло в связи с миссионерской деятельностью согдийских манихейских общин, стремившихся распространить свою веру среди кочевых народов — тюрок, уйгуров и других. Для этого адаптировался используемый согдийцами вид арамейского (согдийского) письма. Вначале данное письмо существовало только в кругу манихейских общин и не имело широкого распространения и поддержки ни со стороны народа, ни со стороны правителей тюркских и уйгурских племен. Немаловажным фактором распространения уйгурского письма признается и «относительная компактность» этой системы, которая строилась на основе 16 графических элементов, передававших около трех десятков фонем [18, с. 11].

Уйгурское письмо следует разделять как минимум на две составляющие: древнеуйгурское и уйгурское (караханидское) письмо. Первые памятники древнеуйгурского письма VII–XIV вв. относятся к периоду существования уйгурских государств в Восточном Туркестане (Турфан, Кочо) и Монголии. Материалы представлены огромным количеством самых разных по размеру и сохранности фраг-

ментов рукописей и ксилографов, имеются также свитки и полные книги. Наряду с рукописными памятниками до наших дней дошло и огромное количество ксилографических текстов. Сам способ издания был заимствован из Китая, где он и зародился в VII в. [19, с. 353]. Порядок воспроизведения был довольно прост. Бумагу с написанным текстом наклеивали лицевой стороной на деревянную доску и выбирали фон — получалось что-то похожее на наборный макет в современных типографиях. Такой порядок издания позволял тиражировать книги в огромных количествах, что отчасти способствовало и распространению грамотности среди населения. Позднее техника печатания была усовершенствована: вырезался уже не текст, а отдельные знаки, что позволяло «набирать» тексты.

Кроме религиозных текстов, выполненных древнеуйгурским письмом, до наших дней дошли и некоторые «деловые» документы. По некоторым сведениям, в настоящее время известно о существовании порядка 400 документов, представляющих собой различные акты и письма. Письма-акты представляют собой различные договоры о продаже, обязательства, хозяйственные записи. Примечательно, что все они составлены по определенному канону, что говорит о развитой и сложившейся юридической системе. Кроме того, можно отметить и то, что многие документы создавались не писарями, а самими участниками договоров [20, р. 449–460].

Традиционно эти документы датируют XII–XIV вв., хотя, по мнению В. В. Радлова, эти документы создавались на протяжении многих столетий [21, с. 73]. Что можно считать окончанием этапа древнеуйгурского письма и постепенным сближением древнеуйгурского языка со среднеазиатскими диалектами, приближением его к «новоуйгурскому языку».

Второй этап существования уйгурского письма принято связывать с существованием государства Караханидов. По мнению Э. Н. Наджиба, в это время происходило становление нового письменного тюркского языка — карлукско-уйгурского [22, с. 6–7]. В этот период письмо немного изменяется в силу изменения самого языка. Так, появляются новые знаки для возникающих в тот период новых звуков, не свойственных тюркским языкам. Можно отметить и некоторые изменения в начертании имеющихся знаков. Наиболее ранним литературным произведением считается поэма «Кутадгу Билиг» Юсуфа Хас-Хаджиба (Баласагунского), датированная 1069 г.

Уйгурское письмо просуществовало у тюрков вплоть до XV в. Как раз в этот период происходила постепенная замена уйгурской графики арабской, которая была привнесена в тюркский мир вместе с исламом. Ярким примером постепенного перехода от уйгурской графики к арабской можно назвать надпись на каменной плите, высеченной по распоряжению «верховного правителя в Самарканде Тимура (1370–1405)» и датированной 1391 г.

Первым исследователем, изучившим надпись, был российский востоковед Н. Н. Поппе, который определил, что надпись состоит из трех строк, написанных арабскими буквами, и восьми — знаками уйгурского письма. Начальная строка была уверенно интерпретирована как арабская кораническая формула «بسم الله الرحمن الرحيم». В отношении двух оставшихся арабских строк была сделана оговорка о невозможности их интерпретации [23, с. 187]. Кратко отметим, что в последние годы было проведено две попытки интерпретации этих «нечитаемых» строк, но единого мнения так и не было сформировано³.

Особый интерес представляют строки, написанные уйгурицей, которые вначале считали выполненными не на уйгурском языке, а на среднеазиатско-тюркском литературном языке, за которым в XV–XVI вв. закрепилось название чагатайский [25, с. 109–129]. Следует отметить, что уйгурская надпись является самодостаточной и выполненной квалифицированным резчиком по камню, который очень хорошо знал данный вид письма.

Этого нельзя сказать об арабской части, которая представляется дополнительной, к тому же выполненной на менее ровной поверхности камня. Кроме того, отсутствие диакритики арабского текста говорит о плохом знании резчиком арабской графики. Все это можно признать за факт, подтверждающий время перехода с уйгурской графики на арабскую. Если сам камень датируется 1391 г., то этот период — конец XIV — начало XV в. — можно назвать периодом одновременного существования двух видов письма, с постепенным вытеснением уйгурского.

В заключение следует сказать, что в истории культурного развития тюркских народов можно отметить три основных вида письма:

- заимствованное у согдийцев, причем заимствован вместе с языком, в период отсутствия автохтонного («национального») письма;

³ См., например: [24, с. 3–24; 25, с. 109–129; 26, с. 31–40].

- автохтонное письмо, просуществовавшее на протяжении VII–IX вв.;
- заимствованное у согдийцев и приспособленное «для нужд» собственно тюркского языка.

Литература

1. *Кляшторный С. Г., Лившиц В. А.* Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. Т. X. М.: Наука, 1971. С. 121–146.
2. *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 214 с.
3. *Ôsawa T.* Aspect of the relationship between the ancient Turks and the Sogdians. Based on a stone statue with a Sogdian inscription in Xinjiang // *Ērān und Anērān. Studies presented to Boris Il'ic Marshak on the occasion of his 70th birthday.* Venice, 2006, pp. 471–504.
4. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3 частях. Ч. 1. СПб., 1851.
5. *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 504 с.
6. *Liu Mau-Tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-kü). Buch I–II // *Göttinger Asiatische Forschungen.* Bd. 10. Wiesbaden, 1958. P. 87–88.
7. *Ганиев Р. Т.* Противостояние тюрков и династии Суй в 609–617 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 24–29.
8. *Телицин Н. Н.* Этнокультурные условия возникновения и развития уйгурской письменности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. Вып. 1. Востоковедение. Африканистика. 2010. С. 83–91.
9. *Кононов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX вв.). М.: Наука, 1980. 256 с.
10. *Гузов В. Г., Кляшторный С. Г.* Древняя письменность Великой степи // Тюркологический сборник. 2007–2008. М.: Наука, 2009. С. 146–369.
11. *Кляшторный С. Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2003. 560 с.
12. *Гузов В. Г., Кляшторный С. Г.* Проблема происхождения древнетюркской руники в свете общей теории письма (к столетию дешифровки) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 1993. Вып. 4. С. 57–62.
13. *Аврутина А. С.* Древнетюркские рунические памятники. Система письма и фонологическая реконструкция. М.: Едиториал УРСС, 2011. 136 с.
14. *Кызласов И. Л.* Итоги 280-летнего изучения и новые задачи исследования памятников древнетюркской рунической письменности // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 280-летию открытия древнетюркской письменности. Абакан, 2002. С. 7–32.
15. *Рак И. В.* Мифы древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). СПб.; М.: Журнал «Нева», Летний Сад, 1998. 560 с.
16. *Radloff W.* Chuastuanit, das Bussgebet der Manichaer. Hrsg. und übersetzt von W. Radloff, St.-Pbg., 1909. S. III–IV.

17. Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии / С. Г. Кляшторный. Институт востоковедения РАН, Санкт-Петербург, филиал. СПб.: Наука, 2006. 592 с.
18. Тугушева Л. Ю. Раннесредневековый тюркский литературный язык. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 173 с.
19. Кычанов Е. И. Собрание памятников Восточной письменности в Санкт-Петербургском филиале института востоковедения РАН // Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга / сост. Ю. А. Петросян, Е. А. Иванов. СПб.: Наука, 2003. 516 с.
20. Le Coq A. Handschriftliche uigurische Urkunden aus Turfan // Turan, 1918. S. 449–460.
21. Radloff W. Uigurische Sprachdenkmäler. Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Maloy herausgegeben (Памятники уйгурского языка. Материалы, изданные после смерти автора с дополнениями С. Е. Малова). Leningrad, 1928. VIII. 305 с.
22. Наджип Э. Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. / АН СССР, Институт Востоковедения. М.: Наука, 1989. 281 [2] с.
23. Попте Н. Н. Карасакпайская надпись Тимура // Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. Л., 1940. Т. 2. С. 185–187.
24. Григорьев А. П., Телицин Н. Н., Фролова О. Б. Надпись Тимура 1391 г. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XXI. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 3–24.
25. Григорьев А. П., Телицин Н. Н., Фролова О. Б. Надпись Тимура 1391 г. // Тюркологический сборник. 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011. С. 109–129.
26. Sertkaya O. F. Timür Bek'in Toktamış Kan'a 793=1391'de yapmış olduğu seferin Arap ve Uygur harfleri Kitabeleri (Karsakpay Yazıtı) // Ölümün 600. yılında Emir Timur ve mirası. Uluslararası Sempozyumu. 26–27 Mayıs 2005. İstanbul: 2007. S. 31–40.

Контактная информация:

Телицин Николай Николаевич — канд. филол. наук, доц.; n.telitsin@spbu.ru

Writing of the Turkic people in the Ancient and Early Middle ages: main systems

Nikolay N. Telitsin

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Telitsin N. N. Writing of the Turkic people in the Ancient and Early Middle ages: main systems. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 215–230. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.15> (In Russian)

The article reviews examples of the Old Turkic writings from the 6th until the 15th century, i.e. since the inception of Turkic (Runic) writing until the adoption of Arabic graphics. The impact of ethno-cultural and ethno-confessional factors on the emergence and development of Old Turkic (Old Uyghur) writing is discussed.

Keywords: Turkic writing, Uyghur writing, Runic writing.

References

1. Klyashtornyj S. G., Livshic V. A. The Sogdian Inscription of Bugut. *Strany i Narody Vostoka*, vol. X, Moscow, 1971, pp. 121–146. (In Russian)
2. Klyashtornyj S. G. *Ancient Turkic Runic Monuments as a Source for the History of Central Asia*. Moscow, Nauka Publ., 1964. 214 p. (In Russian)
3. Ôsawa T. Aspect of the Relationship between the Ancient Turks and the Sogdians. Based on a Stone Statue with a Sogdian Inscription in Xinjiang. *Êrân und Anêrân. Studies presented to Boris Il'ic Marshak on the Occasion of his 70th Birthday*, Venice, 2006, pp. 471–504.
4. Bichurin N. Ya. *Collection of Information about the Peoples Who Lived in Central Asia in Ancient Times*. V 3 chastyax. Ch. 1. St. Petersburg, 1851. (In Russian)
5. Gumilev L. N. *Göktürks*. Moscow, Nauka Publ., 1967. 504 p. (In Russian)
6. Liu Mau-Tsai. Die Chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'ü-küe). Buch I–II. *Göttinger Asiatische Forschungen*, Bd. 10, Wiesbaden, 1958, pp. 87–88.
7. Ganiev R. T. Confrontation between the Turks and the Sui Dynasty in 609–617 years. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 2, pp. 24–29. (In Russian)
8. Telicin N. N. Ethnic and Cultural Conditions of Occurrence and Development of Uighur Literature. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. Vostokovedenie. Afrikanistika*, vol. 1, 2010, pp. 83–91. (In Russian)
9. Kononov A. N. *Grammar of the Language of Turkic Runic Monuments (VII–IX)*. Moscow, Nauka Publ., 1980. 256 p. (In Russian)
10. Guzev V. G., Klyashtornyj S. G. *Ancient writing of the great steppe. Tyurkologicheskij sbornik. 2007–2008*, Moscow, Nauka Publ., 2009, pp. 146–369.
11. Klyashtornyj S. G. *History of Central Asia and Monuments of Runic Writing*. St. Petersburg, Philological Faculty Publ., 2003. 560 p. (In Russian)
12. Guzev V. G., Klyashtornyj S. G. The Problem of the Origin of the Ancient Turkic Runic in the Light of the General Theory of Writing (to the Century of Decoding). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2*, 1993, vol. 4, pp. 57–62. (In Russian)
13. Avrutina A. S. *Ancient Turkic Runic Monuments. Writing System and Phonological Reconstruction*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2011. 136 p. (In Russian)
14. Kyzlasov I. L. *The results of the 280-year-old study and new task study of monuments of the ancient Turkic runic writing*. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoj 280-letiyu otkrytiya drevnetyurkskoj pis'mennosti. Abakan, 2002, pp. 7–32. (In Russian)
15. Rak I. V. *Myths of Ancient and Early Medieval Iran (Zoroastrianism)*. St. Petersburg-Moscow, Neva Letnij Sad Publ., 1998. 560 p. (In Russian)

16. Radloff W. Chuastuanit, das Bussgebet der Manichaer. Hrsg. und übersetzt von W. Radloff, St. Petersburg, 1909. S. III–IV.
17. Klyashtornyj S. G. *Monuments of Ancient Turkic Writing and Ethnocultural History of Central Asia*. Institut Vostokovedeniya RAN, Sankt-Peterburg, Filial. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 592 p.
18. Tugusheva L. Yu. *Early medieval turkic literary language*. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2001. 173 p. (In Russian)
19. Kychanov E. I. *Collection of monuments of Oriental writing in the St. Petersburg branch of the Institute of Oriental studies*. Sokrovishha akademicheskix sobranij Sankt-Peterburga. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. 516 p. (In Russian)
20. Le Coq A. Handschriftliche uigurische Urkunden aus Turfan. *Turan* 1918. Ss. 449–460.
21. Radloff W. Uigurische Sprachdenkmäler. Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Maloy herausgegeben. Leningrad, 1928. VIII. 305 c.
22. Nadzhip E. N. *Research on the History of Turkic Languages XI–XIV Centuries*. AN SSSR, Institut Vostokovedeniya. Moscow, Nauka Publ., 1989. 281 [2] p.
23. Poppe N. N. *Karsakiskio the Inscription of Timur*. Trudy otdela Vostoka Gosudarstvennogo E'rmitazha, vol. 2. Leningrad, 1940, pp. 185–187.
24. Grigor'ev A. P., Telicin N. N., Frolova O. B. *The Inscription of Timur 1391 c. Istorio-grafiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki*. Vol. XXI. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2004, pp. 3–24.
25. Grigor'ev, A. P., Telicin, N. N., Frolova, O. B. *The Inscription of Timur 1391 c. Tyurkologicheskij sbornik*. 2009–2010, Tyurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. Moscow, 2011, pp. 109–129.
26. Sertkaya O. F. *Timür Bek'in Toktamış Kan'a 793=1391'de yapmış olduğu seferin Arap ve Uyğur harfli Kitabeleri (Karsakpay Yazıtı)*. Ölümün 600. yılında Emir Timur ve mirası. Uluslararası Sempozyumu. 26–27 Mayıs 2005. Istanbul: 2007. S. 31–40.

Author's information:

Nikolay N. Telitsin — PhD. Sci. in Philology, Associate Professor, n.telitsin@spbu.ru